

М. С. КОЛОСКОВ¹

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗОВ «ЗОЛОТОЕ ДНО» И «СНЫ» И. А. БУНИНА

В статье рассматривается вопрос, задавший вектор анализа рассказов «Золотое дно» и «Сны»: почему они впервые были опубликованы под единым названием «Чернозём»? Ответ на этот вопрос даёт сопоставительно-стилистический анализ, помогающий раскрыть композиционную основу произведений. Близость тематики рассказов не определяет их стилистической близости, но требует изучения структуры текстов, связанной с образом рассказчика. Это ведёт к изучению средств и способов проявления этого персонажа и соотношения деталей (подробностей), представленных в произведениях. Рассказы, опубликованные вместе, читаются как взаимосвязанные потому, что в них есть структурные, или глубинные, совпадения в текстах, связанные с выражением единой точки видения изображённого мира. Тематико-стилистическая близость рассказов проступает в образах рассказчиков, выраженных в обоих текстах местоимением 1-го лица единственного числа и соответствующими ему формами глаголов. Образы рассказчиков и в том и в другом произведении приближены к образу автора. Эта приближенность выявляется в прямой и внутренней речи, которая в употреблении средств выражения ориентирована на общелитературную норму и последовательно отражена в словесном ряде как компоненте организации текстов, дающем представление о рассказчиках как о носителях литературного языка. Синтаксис текстов, в рамках которого организован лексико-фразеологический материал, отличается гармоничностью и строгой ясностью. В целом выбор и организация средств выражения конкретизируют рассказчиков как людей, привыкших наблюдать, находить характерное и записывать увиденное. Вместе с тем выражение места и времени в рассказах, а также характер распределения в них эмоционально-экспрессивных средств выражения заставляет воспринимать рассказчиков как одно и то же лицо.

Ключевые слова: сопоставительно-стилистический анализ, образ рассказчика, словесные ряды, оценочные языковые средства, изобразительные приёмы повествования, хронотоп.

¹ Максим Сергеевич Колосков — аспирант кафедры русского языка и стилистики ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); учитель МОУ «Виноградовская СОШ» Воскресенского района (Московская область, Российская Федерация); koloskov-maksim@mail.ru

Впервые рассказ «Сны» был опубликован в издательстве «Знание» в 1904 г. вместе с рассказом «Золотое дно» под общим названием «Чернозём» [Титова, 516]. Возникает вопрос: почему два произведения по воле писателя были объединены в единое целое?

Очевидно, что близка тематика этих рассказов. Но она не определяет стилистической близости произведений: можно найти немало произведений, написанных на одну тему, но различающихся стилистически, а значит, и по содержанию. Для определения стилистической близости текстов необходимо изучение их структуры, требующее применения сопоставительно-стилистического анализа [Горшков, 339].

Конечно, в рассказах много стилистически различного, но обратим внимание на образ рассказчика (способы и средства его проявления) и соотнесённые детали (подробности) в произведениях. И действительно, опубликованные вместе рассказы читаются как взаимосвязанные, и «Сны» воспринимаются как продолжение «Золотого дна». Но есть ли структурные, или глубинные, совпадения в текстах (связанные с его упорядоченностью, организацией), позволившие автору объединить произведения?

Присмотримся к рассказам.

Тематико-стилистическая близость проступает в образах рассказчиков, выраженных в обоих текстах местоимением 1-го лица единственного числа и соответствующими ему формами глаголов:

Вот с одного из косогоров ещё раз показалась далеко на горизонте низким синеющим силуэтом станция. Но, обернувшись через минуту, я уже не вижу её (Золотое дно).

Я прошёл в комнату для господ — там медленно постукивали в полусумраке стенные часы, на столе желтела прошлогодняя вода в графине... <...> Я лёг на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомлённый тяжёлой дорогой под дождём и снегом. Спал я, как мне казалось, долго, но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого (Сны).

Образы рассказчиков и в том и в другом произведении приближены к образу автора [Горшков, 176]. Эта приближенность может быть выявлена в прямой и внутренней речи, которая в употреблении средств выражения ориентирована на «общелитературную» норму и последовательно отражена в словесном ряде [Горшков, 152], дающем представление о рассказчиках как о носителях литературного языка. Использованный синтаксис, в рамках которого организован лексико-фразеологический материал, отличается гармоничностью и строгой ясностью. В целом выбор и организация средств выражения конкретизируют рассказчиков как людей, привыкших наблюдать, находить характерное и записывать увиденное. Об этом говорит склонность рассказчиков к описанию, заметная в монологических контекстах:

Не много нового узнаю я и в имени сестры, где я всегда делаю остановку на пути к Родникам. Кажется, что ещё год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале ещё немного покосились и потемнели, ветви запущенного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины... А по двору, держа в поводу худого стригуна, запряжённого в водовозку, еле бредёт полуслепой и глухой Антипушка, и разохшиеся колеса водовозки порою так неистово взвизгивают, что больно слушать (Золотое дно).

В зыбком сумраке вокруг меня беспорядочно темнели лежащие на лавках и на поднятых спинках лавок, под полом гудели колёса, и, закрывая глаза, я всё терял представление, в какую сторону идёт поезд. Но прошёл истопник с кочергой, похожий на негра, и не затворил возле меня двери. Послышался говор, потянуло махоркой... Мещанин, ехавший в город за доктором, сидел и курил с угрюмым, сосредоточенным выражением лица, на краю четвёртой от двери лавки у чьих-то ног, а за растворённой дверью возле меня, в дымном сумраке под фонарём, тесной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидевшего против них (Сны).

Склонность рассказчиков к описанию видна и в использовании изобразительных приёмов повествования, характеризующихся прежде всего использованием средств художественной изобразительности (в данном случае — эпитетов, сравнений и метафор), мотивированных восприятием персонажа, то есть передающих его впечатления от прочувствованного, увиденного или услышанного:

Правда, славный лес. Горько и свежо пахнет берёзами, весело отдаётся под развесистыми ветвями громыхание бубенчиков, птицы сладко звенят в зелёных чащах.

Быстро падает синеватый сумрак летней ночи, точно кто незримо сеет его; в лужках уже холодно, как в погребу, и резко пахнет росистой зеленью — только изредка повеваает откуда-то теплом (Золотое дно).

Когда часы нерешительно, точно раздумывая, пробили восемь, где-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформе жалобно заныл звонок (Сны).

В обоих произведениях можно выделить главного рассказчика и второстепенных. И если точка зрения рассказчиков, названных словом *Я*, отражена прежде всего в описательных монологах, то второстепенных — в диалогах или в монологически-прямой речи. Эти персонажи — объект внимания рассказчиков, приближенных к образу автора.

Бунин строит речь второстепенных рассказчиков, учитывая средства и формы реализации разговорной разновидности употребления языка; прежде всего это замечание касается употребления просторечных и диалектных единиц и подбора характерных для диалогических реплик синтаксических конструкций. Обратим внимание на наиболее типичные языковые средства, с помощью которых в рассказах создаются образы звучащей речи и соответствующих этой речи диалогов. Например, в следующих отрывках созданию образов такой речи способствуют краткость и соответствующая звучанию интонация синтагм, присоединительные и уточняющие конструкции, вводные слова, лексические повторы, обращения, просторечные и диалектные слова и выражения.

«О чём он думает?» — думаю я, глядя на его выгоревший на солнце картуз.

И Корней слегка повёртывается на облучке и, следя задумчивым взглядом за мелькающими подковами пристяжной, начинает говорить...

— Всем не мёд, — говорит он. — Не одним господам... Хрестьянский банк, мол, помогает! Да нет, в долг-то не проживёшь! Купят мужики сто-двести десятин, — конечно, компанией, не сообразясь с силой, и запутляются, и норовят слопать друг друга. А пойдут свары — дело и совсем изгадится, и хоть на перемёт с обрывком лезь!

— Однако, — говорю я, — крупных-то господ осталось три-четыре на уезд, значит, расходится земля по народу.

— По городским купчишкам да лавошникам, — поправляет Корней. — По ним, а не по народу... И опять же земля без настоящего хозяина остаётся: им ведь только бы купить, благо дёшево, а жить-то они ведь тут не станут! Ну, вот их-то, чертей, и зажать бы в тесном месте!

— Следовало бы?

Но Корней отводит глаза в сторону (Золотое дно).

— Да-а, братцы мои, — слышался сквозь гул бегущего вагона чей-то голос. — Да-а. И попадись в это самое разнесчастное село старик-священник из Епифани. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, А за что перевели — пил дюже... значит, и перевели вроде как бы в наказание. А старичок- то пить-то пил, да оказался такой, что лучше и не надо. «Сколько, мол, отец Пётр, за кстины аль за похороны берёте?» — «Не я, свет, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть...» И вот так-то всегда. Перевели его, значит, весной, пробыл он честь-честью лето, а осенью и захворай. Года, что ли, такие, или простудился он, — лето-то, сами знаете, какое было, — только, видимое дело, слабеть стал. И вот, братцы мои, почувявши такую историю, вышел он на Покров после обедни к народу — и простился со всеми... (Сны).

Кроме сказанного выше, структурно-стилистические совпадения заметны уже в обозначении места и времени событий, описанных в текстах, в частности в том, какие автор выбирает подробности для характеристики обозначенного в рассказах хронотопа как формально-содержательной категории литературы [Бахтин, 235].

Уже в начале рассказов обнаруживаем указание на место событий (*зелёные холмистые поля* («Золотое дно») — *в поле было холодно, туманно* («Сны»). О времени событий в «Золотом дне» говорится и с использованием прямого значения слова (*Быстро падает синеватый сумрак летней ночи*), и с помощью деталей (*Горько и свежо пахнет берёзами, весело отдаётся под развесистыми ветвями громыхание бубенчиков, птицы сладко звенят в зелёных чащах... На полянах, густо заросших высокой травой и цветами, просторно стоят столетние берёзы по две, три на одном корню. Предвечерний золотистый свет наполняет их тенистые вершины. Внизу, между белыми стволами, он блестит яркими длинными лучами, а по опушке бежит навстречу тарантасу стальными просветами. Просветы эти трепещут, сливаются, становятся все шире... И вот опять мы в поле, опять веет сладким ароматом зацветающей ржи, и пристяжные на бегу хватают пучки сочных стеблей...).* В «Снах» же о времени событий — глубокой осени — говорится всего лишь в нескольких подробностях (*Я лёг на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомлённый тяжёлой дорогой под дождём и снегом; я долго ходил в темноте ветреной, сырой ночи*) и метафорически во фразе, заимствованной из *старой русской книги* (см. ниже).

И в том и в другом рассказах упоминается станция, которая сама по себе указывает на тему путешествия. Но в первом рассказе это — станция, на которую приехал рассказчик ради путешествия в родные с детства места. Путешествие окрашено несколькими словами с положительной эмоционально-экспрессивной стилистической окраской (*славный лес; Вечер в поле встречает нас целым архипелагом пышных золотисто-лиловых облаков на западе, необыкновенной нежностью и ясностью далей*). Во втором рассказе станция упоминается как отправной пункт вынужденного и тревожного путешествия из родной провинции в места неизвестные; эмоционально-

экспрессивная тональность этого путешествия от начала до конца имеет только отрицательную окраску (ср.: *Еле светили подкрученные фитили ламп и резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции; на столе желтела прошлогодняя вода в графине*).

На соотнесённость времени событий указывает и фраза из «Снов», которая может восприниматься не только как обобщённая характеристика устрашающих перемен — «ба-альших дел», как сказано в произведении, но и как прямое указание на взаимосвязь рассказов: *«И прошёл тот день к вечеру тёмных осенних ночей»*.

Метафорический смысл приведённой строки получает развитие в конкретизированных образах, способствующих распределению «света и тени» [Виноградов, 256], — описанию окружающего мира, изображению ощущений от увиденного и услышанного рассказчиками, что проявляется в оценочных словах и выражениях и что может быть распознано в сопоставительно-стилистическом анализе текста. «Распознаванию образов служит их выраженность, реализующаяся в компонентах организации текста, — в словесном ряде, с помощью которого многообразие употребления языка находит своё место в произведении» [Папьян, 110].

Действительно, образы рассказчиков раскрываются в словах и выражениях, несущих оценочные смыслы.

Например:

Тишина — и запустение. Не оскудение, а запустение...<...> тишина, и прекверная, чёрт её дери, тишина! Вроде высыхающего пруда. Издали — хоть картину пиши. А подойди — затхлостью понесёт, ибо воды-то в нём на вершок, а тины — на две сажени, и караси все подошли... Дно-то, действительно, золотое, только до него сам чёрт не докопается! (Золотое дно); резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции; Я поднялся в полутёмный, тёплый и вонючий вагон, переполненный спящим народом (Сны).

Есть в «Золотых снах» и предощущение «ба-альших дел» — перемен, ведущих к тому, что «золотое дно» — прекрасная, плодородная земля, остаётся без «настоящего хозяина». Во «Снах» этот процесс изображается с особой угрюмостью, даже проявлением угрозы в адрес рассказчика.

Предощущение «ба-альших дел» в «Золотом дне» также выражено в оценочных языковых средствах, которые в организации текста имеют свой словесный ряд, заданный четырежды повторяющейся лексемой «плохо» и описательными деталями, например в следующем отрывке:

...я вхожу в переднюю... О, да это совсем ночлежка! Темно, душно, стены закопчены дымом махорки, которую курит бывший староста Батуриных, Дрон, не покинувший усадьбу и доньяне...; Но жутко здесь, в этой котловине, со всех сторон замкнутой холмами, спускающимися к пересохшему руслу Воргла, и бледно освещённой неверным месячным светом! (Золотое дно).

Выше было замечено, что подобный словесный ряд обнаруживается и в «Снах», но этот ряд включает в свой состав слова с более мрачными смыслами, наиболее однозначно проявляемыми в прямой речи героев повествования, например:

И опять наступила тишина с глухим говором колёс, храпом и дыханием спящих.

— А за что ругаться-то? — спросил рассказчик, когда бранившиеся угрюмо успокоились. — Кто первый начал-то? Ведь ты! Мы балакали промеж себе...

— Чо-орт! — ответил мещанин поспешно, и голос его страдальчески дрогнул. — Ведь ночь, скука, а у меня, может, жена и дитё помирают. Пойми!

— Горя-то и у других не мене твоего, — ответил рыжий мужик.

— Не мене! — передразнил мещанин. — Я, может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто вёрст, а дорога — ни проходу, ни проезду! Вчерась измаялся, ткнулся в чём был на постель и вижу — будто обрили меня догола и все зубы вынули! Пойми — сладко? (Сны).

В изображении эмоций каждому из рассказов соответствует своя тональность, но родственная обоим текстам: сдержанных в «Золотом дне», и более отчётливо и зло проявляемых во «Снах». Ср. соотносимые примеры:

1. — Ну, что новенького, Корней? — спрашиваю я кучера, молодого загорелого мужика с умными, слегка прищуренными глазами.

— Новенького? — сдержанно отвечает Корней, не оборачиваясь. — Нового у нас ничего нету.

— Значит, живёте по-старому?

— Это правильно. Плохо живём...

2. ...земля без настоящего хозяина остаётся: им ведь только бы купить, благо дешёво, а жить-то они ведь тут не станут! Ну, вот их-то, чертей, и зажать бы в тесном месте!

— Следовало бы?

Но Корней отводит глаза в сторону (Золотое дно).

1. — Горя-то и у других не мене твоего, — ответил рыжий мужик.

2. Рассказчик вздохнул и уже хотел было начать говорить, но тут рыжий поднял на меня глаза и сипло сказал:

— А тебе, господин, что надо?

— Послушать хотел, — ответил я.

— Не господское это дело мужицкие побаски слушать (Сны).

Особенно заметна близость, можно сказать, и родственность текстов в изображении мимики героев повествования. Ср. в следующих отрывках:

При свете месяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская голову, он сдвигает брови и отводит глаза в сторону (Золотое дно);

Мужик, рассказывавший про петухов, сидел, подавшись вперёд к рыжему, и что-то негромко, но горячо говорил, но, когда я настаивался, чтобы расслышать, что он говорил, из дымного сумрака против меня ничего не было слышно, только блестели серьёзные и злые глаза (Сны).

Корней, один из главных героев «Золотого дна», можно сказать, предсказывает то, чему будет посвящено повествование в другом рассказе. Поэтому неслучайно слова Корнея стоят в конце рассказа — в ударной позиции. Этот персонаж то молчит, то высказывается уклончиво. Ср.:

— И как вы только живёте тут!

Корней завёртывает сигарку, глядя в землю, и долго молчит. Потом сдержанно отвечает:

— Живём пока...

— То есть как «пока»? А потом-то что ж?

— Потом — что Бог даст. Всё что-нибудь да будет...

— Что же?

— Да что-нибудь будет... Не век же тут сидеть, чертям оборки вить! Разойдётся народ по другим местам, либо ещё как...

— А как?

При свете месяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская голову, он сдвигает брови и отводит глаза в сторону.

— Как иначе-то?

— Там видно будет, — отвечает Корней уже совсем хмуро (Золотое дно).

Есть, на первый взгляд, существенное различие между произведениями: в «Снах» большая часть текста отдана мистическим повествованиям, которых нет в «Золотом дне». Но произведения, поставленные рядом, позволяют трактовать заключительные слова Корнея как пробуждение злых сил, которые отражаются в мистических взглядах тех, кто считает, что «не век же тут сидеть, чертям оборки вить» (Золотое дно) и «не господское это дело мужицкие побаски слушать» (Сны).

Сопоставительно-стилистический анализ способствовал выявлению тематической, стилистической и структурной близости произведений, что позволяет понять причину того, почему писатель объединил их в единое целое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 810 с.
2. *Бунин И. А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1965. 528 с.
3. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 655 с.
4. *Горшков А. И.* Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 544 с.
5. *Папаян Ю. М.* Образы автора и рассказчика в слагаемых языковой композиции // Язык — культура — история: Сборник статей к 80-летию Льва Ивановича Скворцова. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2014. С. 110—127.
6. *Титова В. Г.* [Примечания] // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1965. 528 с.